

Клуб писателей Кавказа в «Гостином Дворе»

Эрдни ЭЛЬДЫШЕВ

Элиста

Журавли, утонувшие в небе

А.К. Манджиеву

Помнит синее море,
как в тридцать девятом
Провожало защитников нашей
земли.
Как по берегу строим ещё
не солдаты —
За судьбой новобранцы зелёные
шли.

Ни один из мальчишек домой
не вернётся
Никогда... И, предчувствуя это,
не зря
Всё тянулся к родне,
как подсолнух за солнцем,
Твой задумчивый дядя —
Кекшинов Гаря.

И в селенье Намту продолжения
рода
Не дождётся отныне никто,
никогда.

А потом в декабре
сорок третьего года
Все надежды развеет по ветру
беда...

Всё семейство твоё там,
в сибирском изгнание,
Улетит навсегда от калмыцкой
земли.
И в чужих небесах, за неведомой
гранью
Прокурлычат печально о нём
журавли.

Ты их видишь, мой друг
стародавний, сквозь слёзы
В журавлях, что над морем
летят не спеша.
Ты стоишь и молчишь:
от сибирских морозов
Не оттаяла, видно, калмыка
душа...

Сон о маме

Вечернею степью мы с мамой
вдвоём
Домой за коровою следом идём.
О, как хорошо в этом сказочном
сне,
Где мама моя улыбается мне!

Я сын этой девушки в белом
платке!
Как радостно мне с хворостиной
руке

Быть с ней, молодой и красивой!
Тепло
Заветного счастья мне в душу
вошло

В тот вечер... С трудом
возвращаюсь опять
Туда, где ребёнком уже мне
не стать.

От счастья не плачут.
Да только, друзья,
В слезах почему-то подушка
моя...

Камиль ДАДАЕВ

Махачкала

На могиле Пастернака

На могиле Пастернака
Мокрой мордой на колени
Ляжет чёрная собака,
Верность мёртвому храня.
Гул затих. Остыли нервы,
Тьма все поглотила тени.
Век, как ржавые консервы,
Вскрыл все тайны бытия.

Что услышим мы оттуда,
Из загробных душных спален,
Из последнего приюта
Двухметровой глубины?
Гений мёртв. В своём молчании

Он мертвецки гениален,
Он за стены мироздания
Вышел из больной страны.

Вышел, сам того не зная,
На непаханое поле —
Не видать конца и края,
Ни прожить, ни перейти.
И с душой опустошённой,
Искорёженной от боли,
Узкой тропкой потаённой
Продолжает он брести...

На могиле Пастернака
Трын-трава да незабудки —
Неоконченная драка
Между словом и ножом.
Персонажи Тарантино
Там дежурят через сутки,
Пьют изысканные вина
С местным сторожем — Петром.

Всё смешалось в мире этом:
Ложь и правда, чёт и нечет.
Ежели рождён поэтом,
Кровью за стихи плати.
На могиле Пастернака
Я тебя однажды встречу,
Чтобы к свету прочь из мрака
Поле жизни перейти.

Поэзия неизбежна

*Пока есть такой язык, как русский,
поэзия неизбежна...*

И. Бродский

Поэзия неизбежна,
Как первый могучий крик.
Кромсай её тело нежно —
Дарован тебе язык.
Из тёплой утробы ночи
Рождается первый звук —
Поэзия зубы точит
О ласку дрожащих рук.

Поэзия неизбежна,
Пока тебя рвёт внутри.
Под этой лавиной снежной
Гори, мой дружок, гори!
И мысль, раскалённую снова,
Попробуй в ночи облечь
В звенящее острое слово,
В горящую пылкую речь.

Поэзия — это искры,
Пронзающий мозг пожар.
Поэзия — это выстрел!
Поэзия — это дар.
Пари, растворяясь в звёздах,
К бессмертью себя готовь!
Поэзия — это воздух,
Которым ты дышишь вновь.

Почувствуй: как гвоздь запястье,
Пронзает она насквозь,
Рождая такие страсти —
Чуть сердце не взорвалось.
Храни в себе дух мятежный,
Тот самый души надрыв.
Поэзия неизбежна,
Покуда язык твой жив.

Адам АХМАТУКАЕВ

Грозный

Краснощёкий закат отдыхает
на горных вершинах.
Краток отдыха срок —
только спелое яблоко съесть.

По домам спешаю
с вечернего схода мужчины,
И тепло нашей дружбы с собой
унести — им за честь.

То тепло — от огня, что Господь
разрешил разгореться
В наших верных сердцах —
и в его,

и в твоём, и в моём.
Не расстанемся мы, посидим,
по привычке из детства,
У любого, на выбор,
за общим вечерним столом!

Как прекрасны друзей
ненаглядных
счастливые лица!

Но тропинку одну этой ночью
навек заметёт...
Неужели же с кем-то из нас
это вправду случится,
И завтра село соберётся
на траурный сход?

Железная дорога

А моя седина родилась
на железной дороге
Раньше, чем в этот мир появился
за счастьем и я.
Из военных времён,
из далёкой жестокой эпохи
Между рельсов бездушных
струится судьбы колея.

Я не слышал колёс, их тоскливый
и горестный клёкот,
Их надсадный протест
и стальную нелепую прыть.
Но кипит моя совесть
неистовым горным потоком,
Что родимую землю
не в силах ничем оживить.

Уж не твои ль, Аполлон
Волчий,
Ступни обнимала?
Уж не тебя ли, Афина,
С девами увещевала?
Трои сыны и Приама,
Горе! Вам не догадаться:
Злобны ахейские мечи,
Боги вовсю веселятся.
Сладостны запахи жертвы,
Тешит их кровь Приамидов.
Прежде чем стану проклятьем,
Сколько ещё быть пролитой?!
Мечется Вещая дева,
Слыша за дальней стеною
Ржанье
И бьёт как копытом
Конь —
Над погибелью Трои.

Отвечаю на вопрос

Любовь слепа.
В безумии страстей
И даже в неоправданной
надежде.
И тесны ей добротные одежды,
И чужд расчёт во всём,
до мелочей.
Ей свойственны ошибки,
преступленья —
Она сама в себе всегда права.
Лишь сердца лёд,
лёд умозаключений
Любовь нам не прощает
никогда.
Любовь слепа.
Но если ты подставишь
Своё плечо, в её руке — твоя —
Однажды
ты, конечно же, узнаешь,
Кто правит кем —
Любовь или судьба?
А если всё же ты,
За довод страхов прячась,

Слепую
бросишь посреди пути...
Напрасно зеркалу,
минуя годы, плачась,
Поверишь тщетные свои мечты.
Ведь у любви
тот правый, наконец,
Кто на себя
принять готовый будет
За счастья недолгого минуты —
Весь твой — «контрольный»,
От судьбы, свинец.

Всю ночь напролёт
дождь осенний стучал —
В полусне лишь ему внимала.
А наутро
тяжёлый, сырой небосвод
И плывущее туч покрывало
Отвернули страницу
в осенней главе —
Вся земля и деревья мокры.
Как-то стало тоскливо
в моём дворе —
Амбразурами смотрят окна.
Под балконом ива ещё зелена,
Было песен немного спето —
Все о том —
что печальная и одна,
Позабытая белым светом.
А я, знаешь, такая же, как и ты:
Головы своей не поднимаю.
Видишь
эти увядшие ныне цветы?
С ними вместе и я умираю.
Я хотела бы
только уснуть на миг
И проснуться
весенней, счастливой...
Ах, как странен откуда-то
Рвущийся крик!
Разве кто-нибудь есть там,
Под ивой?..

Багавутдин САМАДОВ

Уллубийаул

Кумыкская равнина

Язык кумыкский звучен и богат,
И тело он, и душу словом лечит,
И над Кумыкскою равниною

звучат

Стихи о тех, чей подвиг ратный
вечен.

Ирчи Казак пред ханом не робел,
И Султан-Мут врагам

не покорялся,

Кумыкскую равнину я б хотел
Воспеть, чтоб след их дел
в стихах остался.

Душой и словом славится кумык,
Он другом будет верным

и надёжным,

В него равнины нашей дух
проник,

Он рад гостям, ему доверить
можно.

Равнину славит песнею певец,
И слово звонкое о ней поэт

слагает,

Равнина — мать, а мой народ —
отец,

Мне путь земной их образ
освещает.

Дагестанцы

Гор высоких, скал крутых,
Дагестан, — ты Родина!
И традиций вековых,
Дагестан, — ты Родина!

И даргинец, и кумык,
Лакец и аварец —
Разный пусть у них язык,
Каждый — дагестанец!

Сколько тягот, сколько бед
Ими вместе пройдено,
Крепче дружбы силы нет,
Дагестан, — ты Родина!

Здесь, объятия раскрыв,
Брата брат встречает,
Дагестанская земля
Всех объединяет.

Все народы перечеть —
Строчки не хватило б!
Дружба, вера, долг и честь —
Вот в чём наша сила!

В саду

Луне свой взгляд от нас
не оторвать,
Когда в саду сидим мы ночью
рядом.
Ночь коротка, чтоб все слова
сказать, —
Тех слов тепло сдержать в себе
нельзя нам!

И слаще мёда, трепетней цветка
Слова и взгляды —
искры аметиста,
Всё сказано, но как же коротка
Нам эта ночь, что песней льётся
чистой!

